

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ДОЛЖНО БЫТЬ СОВРЕМЕННЫМ

Разработав стратегию модернизации страны, ее руководство делает, как это наглядно видно, все необходимое для осуществления всего того, что составляет главную суть и основное содержание данной стратегии. Прежде всего, нуждаются в обновлении сами люди, которые стремятся жить по-новому, а следовательно, и сами должны становиться иными, то есть достойными своего времени. Ведь для того, чтобы жить по-новому, надо не только иметь все необходимое для этого, но и *уметь* жить по-новому.

В конце концов, надо обеспечить положительную демографическую ситуацию, повысить рождаемость, снизить смертность, в структуре населения важно резко повысить удельный вес молодого поколения. Необходимо существенно снизить показатели преступности, свести к минимуму такие негативные явления, как пьянство и алкоголизм, наркомания и токсикомания, паразитизм и погоня за сиюминутным успехом.

В то же время, важно кардинально изменить наше отношение к труду, а следовательно, и к своей собственной судьбе, настойчиво овладевать нужными себе и людям профессиями, интеллектуальным, нравственным и физическим совершенством, творческими навыками, инновационными технологиями, передовой культурой, духовностью, желанием иметь семью, поднимать и воспитывать детей, вести, наконец, здоровый образ жизни. Все это должно войти в плоть и кровь каждого, стать нашей сущностью, истинным «я».

Далее – экономика, политика, социальная сфера, искусство, литература, поэзия, постановка дела образования и культуры, наука и средства массовой информации, а также многое другое. Надо подумать не только над тем, чтобы прирастали наши национальные богатства, но и над тем, чтобы каждый получил к ним как можно более широкий доступ. Какие бы месторождения нефти и газа мы ни открывали, какие бы трубопроводы для экспорта углеводородов ни прокладывали, какие бы новые виды энергии и новые технологии ни изобретали – все эти усилия пропадут, уйдут как вода в песок, окажутся напрасными, если

мы не научимся по-новому пользоваться результатами своих усилий. И в этом смысле – не станем другими.

Здесь открывается также перспектива раскрытия новых возможностей права. И поскольку ресурс его нынешних возможностей, похоже, в значительной мере исчерпан, то надо искать перспективы его нового состояния, то есть планировать и осуществлять меры по модернизации самого права, стремиться сделать его максимально современным.

Далеко не последнее место в числе таких мер занимает совершенствование уголовного законодательства. При внесении в июне 2011 года в Государственную Думу очередного законопроекта с поправками в УК РФ Президент Д.А.Медведев, в частности, подчеркнул, что «законопроект содержит ряд новелл и заслуживает внимания, так как делает уголовный закон более современным, устраняет устаревшие нормы...»¹.

Поскольку к предложенным Президентом новациям в уголовном законодательстве придется с учетом темы обращаться еще не раз, напомним кратко их главный смысл: *во-первых*, вводится новый вид наказания – принудительные работы (по существу то же самое, что и исправительные работы, но исполняемые вне места жительства осужденного, а именно там, где особенно нужны рабочие руки), *во-вторых*, в два раза повышается верхний предел обязательных работ – с 240 до 480 часов, *в-третьих*, применительно к наименее опасным экономическим преступлениям теперь предусматривается (альтернативно к лишению свободы) применение штрафа в размере до пятикратной стоимости причиненного преступлением ущерба, *в-четвертых*, ряд экономических деяний переводится в разряд административных правонарушений, *в-пятых*, в разряд административных правонарушений переводится также клевета и оскорбление и, наконец, *в-шестых*, в отношении незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов вводится (альтернативно опять-таки к лишению свободы) наказание в виде обязательного прохождения курса лечения от наркозависимости –

¹ См.: Белов С. Наказание с альтернативой. Дмитрий Медведев внес в Госдуму поправки в Уголовный кодекс... // Российская газета. – 2011. – 8 июня. – С. 2.

в этом случае осужденный может избежать лишения свободы, если даст согласие на добровольное его лечение².

Понятно, что это – лишь шаг к решительному обновлению *всего* уголовного законодательства, то есть к тому его состоянию, которое в полной мере могло бы отвечать требованиям времени. Данное обстоятельство обязывает глубоко и всесторонне разобраться с вопросом о том, а что же такое вообще *современное* уголовное право, как его надо понимать, каким при этом должно быть наше уголовное законодательство.

Если говорить о праве вообще, то оно в своем развитии может а) отставать от потребностей времени, б) быть адекватным ему или в) опережать его. Любой из этих вариантов может оказаться неприемлемым, так как если право отстает в своем развитии, то оно постоянно «тянет» жизнь назад, если же оно адекватно времени, то вольно или невольно плетется в хвосте событий, а если опережает время, то как бы отрывается от них, забегает вперед, не оказывает какой-либо ощутимой пользы.

Современным же в полном смысле этого слова право будет в том случае, если оно, следуя сложившимся десятилетиями и, может быть, столетиями традициям и в полной мере отвечая потребностям времени, вместе с тем, опережает его, но не настолько, чтобы оторваться от жизни и быть лишенным возможности, образно говоря, «толкать» ее в будущее, то есть туда, где она и должна быть – по крайней мере, в наиболее развитой, передовой, «продвинутой» ее части.

Иллюстрируя сказанное на материале уголовного права, можно, как представляется, утверждать, что, например, сами по себе штрафы (за коррупцию и некоторые иные корыстные преступления), кратные по отношению к сумме подкупа, взятки, иного предмета преступления, ущерба, дохода, задолженности, масштаба оборота и т.д. – это ни что иное, как *чрезмерное* забегание вперед, а такого рода (кратные) штрафы за соответствующие преступления как альтернатива лишению свободы – меры, уже *адекватные* времени, кратные же штрафы как дополнительный к лишению свободы вид наказания – это уже, безусловно, некоторое отставание от времени.

² Там же.

Современным же уголовное право может стать при условии, если каждый из приведенных вариантов будет применяться именно в тех случаях, которые того требуют – например, в случаях, если замена лишения свободы кратным штрафом будет допускаться в отношении *нетяжких* преступлений, а избирательная такая замена (то есть в каких-то случаях допускаемая, а в каких-то – нет) – в отношении *тяжких* преступлений, сочетание же лишения свободы с кратным штрафом – в отношении преступлений *особо тяжких*.

Открывающаяся перспектива включения в систему наказаний упомянутых выше мер реагирования на преступления (принудительные работы и обязательное лечение от наркозависимости), включение в некоторые уже известные наказания отдельных новых компонентов, перевод ряда экономических деяний в сферу административно-правовой юрисдикции, расширение элементов диспозитивности при назначении наказания – все это действительно делает уголовное право более современным, так как в нем появляется, *во-первых*, нечто, уже знакомое нам по прошлым временам (сохранение традиции), а именно советская «химия» (принудительные работы: ранее они применялись в рамках условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду и условно-досрочного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду), *во-вторых*, нечто новое, необходимое дню сегодняшнему (декриминализация ряда деяний с переводом их в категорию административных правонарушений) и, наконец, *в-третьих*, нечто, ценность чего может проявиться лишь с учетом определенной перспективы – например, обязательное лечение лиц, страдающих наркозависимостью и совершивших менее опасные преступления, связанные с наркотическими средствами, психотропными веществами или их аналогами.

Заметим, что уголовное право – это и фактор, и следствие проводимой государством уголовной политики. Фактор – потому что лежащее в ее основе законодательство как законодательство, обозначающее главное зло общества, показывает нам, с чем надо бороться, чему следует противодействовать, за что необходимо наказывать, чем требуется подкреплять наказание – с тем, чтобы оно было не просто мерой реагирования на преступления, но еще и той

правовой базой, на основе которой должны осуществляться и *все остальные* меры наступления на преступность. А почему – следствие? Да потому что уголовное законодательство есть порождение уголовной политики, а именно отражение, учет и воплощение в деятельности государства потребностей общества в преодолении преступности.

В основе уголовной политики как отношения государства к преступности – не только уголовное законодательство, но и смежные с ним отрасли законодательства, многие подзаконные нормативные правовые акты, ну и, конечно же, нормы морали и нравственности, мобилизующая деятельность государства, включающая в сферу противодействия преступности *весь* арсенал средств, которыми располагает государство, в том числе средства организационного, экономического, социального, культурного, образовательного, научного и иного характера. Достаточно полным, завершенным выражением уголовной политики должна стать широкомасштабная программа наступления на преступность, охватывающая как федеральные, так и региональные и местные аспекты данной деятельности.

Уголовное право, являющееся важнейшим проводником уголовной политики, формирует и свою, так сказать, собственную политику (уголовно-правовую политику), которая, представляя собой, прежде всего, политику законодательного определения преступлений и наказаний, сочетается со всеми другими областями уголовной политики, в том числе с политикой уголовно-предупредительной, уголовно-исполнительной, уголовно-процессуальной, уголовно-розыскной, уголовно-следственной, уголовно-судебной, уголовно-организационной.

А с учетом привлечения для целей противодействия преступлениям средств административного, гражданского, таможенного, налогового, финансового и иного законодательства формируется также политика уголовно-административная, уголовно-гражданская, уголовно-таможенная, уголовно-налоговая, уголовно-финансовая, иная. Упор в противодействии преступлениям, например, на экономические, социальные, культурные, образовательные или научные средства позволяет говорить о необходимости формирования соответственно уголовно-экономическую, уголовно-социальную,

уголовно-культурную, уголовно-образовательную и уголовно-научную политики.

Может возникнуть вопрос о том, а не слишком ли много политик здесь сконцентрировано. Ну, *во-первых*, борьба с преступностью – это дело такое, при осуществлении которого нужен глаз да глаз. И перебрать нельзя, и недобрать опасно. *Во-вторых* же, политика здесь – политика особого рода. Это не борьба за власть, не игра сил на политической сцене (какая какую переиграет), не лозунги, и тем более не всеобщий какой-то «фурор» или, напротив, всеобщее проклятие чего-либо, а в общем-то нормальная работа по вытеснению преступности из жизни общества, по его освобождению от этого наследия прошлого и порождения настоящего, по реальному обеспечению прав и свобод человека и гражданина..

Уголовно-правовая политика в ее самом широком значении – это политика государства по вопросам установления, *во-первых*, самих принципов и иных общих положений уголовного законодательства, *во-вторых*, оснований и пределов преступности и наказуемости конкретных видов деяний, *в-третьих*, общих начал и специализированных правил назначения наказания совершивших преступления лицам, и, *в-четвертых*, оснований и пределов освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Расширять круг деяний, признаваемых уголовным законом преступлениями, безусловно, надо, на что чаще всего и делают акценты юристы. Нужны, в частности, запреты на незаконное проникновение в чужие помещения, в том числе нежилые, и на чужие территории, запреты на проведение медицинских опытов над людьми – независимо от их на то согласия, на опыты по клонированию человека, на организацию настоящего «голодомора» в некоторых наших больницах, осуществляемого в отношении лечащихся там больных, создание невыносимых условий в домах престарелых, на фальсификацию лекарств, на, в конце концов, людоедство, факты которого отмечаются в последние годы даже в наших столицах – Москве и Санкт-Петербурге. Однако главное – все же стремиться к *сокращению* круга криминализуемых деяний, в особенности тех, которые носят экономический характер и фактически не «дотягивают» до той опасности, при которой была бы не только возможной, но и

желательной криминализация. Подобные деяния целесообразно большей частью переводить в сферу административно-правовой юрисдикции, что постепенно и делается в настоящее время.

Ну и, конечно же, необходимо поставить на строго научную основу «прорисовку» санкций в статьях Особенной части УК РФ мер наказания. Надо, на наш взгляд, вернуться к вопросу о возвращении в систему наказаний таких наказаний, как, например, конфискация имущества, ссылка и высылка, увольнение от должности и возложение загладить причиненный вред. Эти меры будут уместными на период, в течение которого окончательно определится четкий водораздел между сферами уголовно-правовой и административно-правовой юрисдикции. В отношении впервые совершенных преступлений небольшой и средней тяжести целесообразно принять Кодекс об уголовных проступках, распространив его нормы на преступления, входящие в юрисдикцию мировых судей.

Обеспокоенные проблемой преступности и некоторой пассивностью отношения к ней власти, то есть слабостью реально функционирующей у нас уголовной политики, отдельные горячие головы – в среде как юристов, так и политиков – порой призывают руководство страны несколько «поджать» криминал, то есть более сосредоточенно сконцентрировать уголовно-правовые средства на том или ином направлении правоохранительной деятельности – например, на борьбе с терроризмом, экстремизмом, хищениями, коррупцией, педофилией и т.д. Предлагается также называть в законе наиболее опасные преступления не преступлениями (как сейчас), а «злодеяниями», включить в систему наказаний «каторжные работы», то есть «тяжкий физический труд, без амнистии, помилования, свиданий, переписки, информации об осужденном...»³. Но ведь если верен

³ См.: *Александров А.* Об уголовно-правовой политике, российском правосудии и деле Ходорковского // *Российская газета*. – 2011. – 17 мая. – С. 6; *Орлов П.* Правоведы предлагают внести в закон статью «злодеяние» и подумать о каторге // *Российская газета*. – 2011. – 2 июня. – С. 9. В принципе принудительные работы, в том числе связанные с физическим трудом, не только возможны, но и крайне желательны, хотя «обрубать» при их осуществлении все связи осужденного с внешним миром было бы просто недопустимым. Полагаем, что настала пора отказаться от использования в нашем законодательстве (ст. 56 УК РФ) применительно к лишению свободы словосочетания «изоляция от общества», заменив его словами: «... помещение осужденного в учреждение закрытого типа со специальным режимом исполнения наказания и регламентированными законом взаимоотношениями с открытым пространством (свободой)».

известный постулат о том, что человек – это мера всех вещей и в значительной мере именно те отношения, в структуру которых он включен, то получается так, что, лишив человека связи с внешним миром (с другими людьми), мы тем самым убиваем и его, и этот сам этот внешний мир, поскольку отсекаем от него живые частицы, способные, может быть, принести еще немало пользы – и себе, и обществу.

Лишение свободы должно перестать быть «изоляцией от общества» и стать пребыванием осужденного в учреждении с *регламентированными* отношениями с открытым пространстве. Потому что и в открытом пространстве есть немало такого, что целесообразно «закрыть» для лица, приговоренного к лишению свободы.

В рамках *уголовно-предупредительной политики* важно принять Закон о предупреждении преступлений, в котором были бы четко прописаны причины совершаемых преступлений и закреплены обязанности правоохранительных органов, иных государственных органов и органов местного самоуправления, а также субъектов экономической и иной общественно значимой деятельности по их устранению, блокированию, ограничению. Но для этого необходимо располагать точными сведениями о том, что же собой представляет преступность в том или ином регионе в соответствующие периоды времени. Просто передать ведение статистики преступности из одного ведомства в другое, то есть, как предлагают отдельные аналитики, «посадить рядом с дежурным по райотделу полиции прокурора», здесь было бы явно недостаточным. Важно, прежде всего, обстоятельно разработать полноценную структуру такой статистики, так как только тогда станет понятной картина преступности, что и даст возможность делать правильные выводы относительно того, каковы причины преступности, а следовательно, и относительно того, какие меры надо предпринять для их устранения, блокирования, ограничения.

Иногда рассматриваемое направление уголовной политики называют *уголовно-превентивной политикой*⁴, что не представляется правильным, так как под *превентивными* мерами чаще всего понимаются не только и не столько меры правовые, сколько меры

⁴ См.: Александров А. Об уголовно-правовой политике, российском правосудии и деле Ходорковского // Российская газета. – 2011. – 17 мая. – С. 6.

сугубо волевые, причем сопряженные с ограничением граждан в правах еще до того, как они совершат преступления. Осуществлять *превенцию* – это значит без суда и следствия, например, выселять «неблагонадежный контингент» из городов на период проведения в них каких-либо крупных массовых мероприятий. Так было, в частности, в 1980 году в Москве при проведении в этом городе Олимпийских Игр. Столица тогда основательно была «зачищена» от названного «контингента», преступлений в ней практически не совершалось. Такие меры тоже нужны, но, *во-первых*, в строго ограниченных пределах, а *во-вторых*, с максимальной минимизацией возможных негативных последствий. Прибегать к ним если и можно, то только при каких-то особых условиях и обстоятельствах. В любом случае формировать из подобных мер направление уголовной политики нецелесообразно.

Уголовно-исполнительную политику следует вооружить подлинно научными знаниями об исправлении осужденных, о том, как добиваться высокой эффективности такого исправления. Пока такой «педагогикой для взрослых» мы, к сожалению, не располагаем. Кроме книги А.С.Макаренко «Педагогическая поэма», написанной еще в 1935 году, ничего стоящего по данной тематике нет. Относительно исполнения каждого вида наказания должен быть разработан и принят отдельный закон, так как одних только инструкций по этим вопросам явно недостаточно.

Для целей *уголовно-процессуальной политики* важно дополнить УПК РФ разделом об уголовном процессе как установленном законом порядке осуществления *таких* форм реализации уголовного законодательства, как *соблюдение* его требований. В настоящее время УПК регламентирует процедуры, касающиеся лишь такой формы реализации данного законодательства, как *применение* его требований, чего, конечно же, явно недостаточно для утверждения в обществе прочного правопорядка.

Уголовно-розыскная политика тоже должна опираться преимущественно не на инструкции, а на законы. На данном этапе целесообразно, как мы полагаем, издать Кодекс об оперативно-розыскной деятельности. Представляется абсолютно неправильным высказываемое в прессе мнение о том, что «было бы целесообразным

вести оперативные проверки чиновников на честность»⁵. Если вести подобные проверки (в народе такие акции обычно называют «проверками на вшивость») в ранг официальной государственной политики, то в результате госаппарат просто лишится многих честных чиновников, поскольку в условиях распространенности коррупции каждый из них, опасаясь подвоха, просто попытается «откупиться» от неблагоприятных результатов проверок.

Уголовно-следственная политика как политика деятельности по расследованию преступлений тоже должна обрести свою достаточно надежную научную и правовую основу. Важно лишь уйти от таких норм и такой практики, при которых подозреваемый в уголовном процессе еще задолго до суда признается виновным в совершении того преступления, в отношении которого проводится предварительное расследование, поскольку в отношении его принимается *обвинительное заключение* (*обвинительный акт*) и лицо при этом официально объявляется *обвиняемым*. Не обвиняемым, а подозреваемым, подследственным или подсудимым должно называться лицо, оказавшееся объектом уголовного правового реагирования на той или иной его стадии.

Уголовно-судебная политика – это, прежде всего, политика назначения наказаний. Оперировать при ее осуществлении понятиями типа «меньше сажать» (Д.А.Медведев) или, напротив, «мало посадок» (В.В.Путин), конечно же, можно, но исключительно в рамках определения самых общих контуров соответствующей сферы деятельности. Для целей же выработки конкретных направлений данной политики подобные («фигуральные») выражения, больше подходящие, может быть, для изложения положений сугубо политических, здесь *не вполне* уместны. Тут нужны более точные установки, в том числе состоящие в том, кого, за что и как надо привлекать, судить и наказывать. Как и во всех других случаях, при выработке уголовно-судебной политики должны сказать свое веское слово право и наука.

Вначале следует на строго научной основе разобраться с санкциями, а уж потом браться за «заточку» имеющегося правового инструментария под различные виды преступлений, под их конкретные проявления и в отношении конкретных лиц, совершающих

⁵ Там же.

соответствующие преступления. Вот оптимальный, с нашей точки зрения, вариант новой редакции ст. 60 УК РФ, формулирующей общие начала назначения наказания:

«Статья 60. Общие начала и специальные правила назначения наказания

1. Общие начала назначения наказания есть общие правила, обязательные к учету при осуждении любого совершившего преступление лица за любое преступление. Они состоят в том, что назначенное совершившему преступление лицу наказание должно быть законным и справедливым, соответствовать всем принципам уголовного законодательства, назначаться судом:

а) в соответствии с его собственным убеждением, сложившимся вне зависимости от каких бы то ни было внешних влияний;

б) при отсутствии оснований освобождения от уголовной ответственности и (или) наказания;

в) в пределах санкции той статьи Особенной части настоящего Кодекса, по которой квалифицируется совершенное преступление. Если санкция статьи Особенной части Кодекса, по которой квалифицируется совершенное преступление, предусматривает несколько видов наказания, то назначается наименее строгий из них вид, если цели наказания могут быть достигнуты при назначении именно его. Более строгий же вид наказания назначается лишь в случае, если менее строгий его вид не позволяет обеспечить достижение целей наказания. Превышение при назначении наказания верхнего предела наиболее строгого наказания, предусмотренного санкцией соответствующей статьи Особенной части Кодекса, допускается только в установленных законом пределах и только при совершении лицом нескольких преступлений, а именно при назначении наказания по правилам совокупности преступлений или совокупности приговоров – в соответствии со статьей 69 или 70 Кодекса;

г) на основе положений уголовного законодательства о его принципах, о видах и целях наказания, других относящихся к совершенному преступлению и назначаемому наказанию положений Общей части Кодекса, норм морали и нравственности, а также состояния утвердившегося в обществе правосознания;

д) с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, его причин и условий, а также индивидуальных особенностей лица, совершившего преступление, в том числе с учетом обстоятельств, предусмотренных Кодексом в качестве смягчающих и отягчающих наказание;

е) с учетом перспектив достижения целей наказания, в том числе такой цели, как исправление виновного лица;

ж) с учетом задачи сведения к минимуму возможного негативного влияния наказания на условия жизни семьи виновного лица и на условия функционирования той организации и той сферы жизнедеятельности, в которой данное лицо трудилось и находилось до осуждения.

2. Специальные правила назначения наказания предусмотрены статьями 62, 64-74 настоящего Кодекса».

Уголовно-организационная политика – это политика определения структуры, штатной численности и организации деятельности *всей* уголовно-охранительной системы, начиная от оперативных ее структур и кончая судами и структурами, наделенными правом инициировать принятие законов, ориентированных на противодействие преступлениям, на их пресечение, предотвращение, предупреждение, вытеснение и т.д. Важно не упускать из виду того, что правильное решение организационных вопросов в уголовной политике – это по существу половина дела.

Уголовно-административная политика как политика, нацеливающая на противодействие преступлениям административно-правовые средства, должна основательно «пристыковать» эти средства к средствам уголовно-правовым – особенно если речь идет о деяниях на нижнем уровне их общественной опасности, в том числе когда появляются возможности использования административно-правовых средств *взамен* средств уголовно-правовых или *в дополнение* к ним.

Уголовно-гражданская политика – это политика, которая направлена главным образом на описание и раскрытие *бланкетных* диспозиций уголовного законодательства, на противодействие гражданским правонарушениям, способным при определенных условиях преобразовываться в соответствующие преступления или, по крайней мере, способствовать совершению таковых. То же самое

следует сказать и об уголовно-таможенной, уголовно-налоговой и уголовно-финансовой политиках.

Что же касается уголовно-экономической, уголовно-социальной, уголовно-культурной, уголовно-образовательной и уголовно-научной политик, то в рамках их должна осуществляться фокусировка определенной части соответствующих средств (соответственно экономических, социальных, культурных, образовательных, научных) на предупреждение преступлений. Это – борьба с бедностью и безработицей, малограмотностью и бескультурьем, пьянством и алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией, бездомностью и проживанием в непригодных для этого помещениях и строениях, безнадзорностью и беспризорностью.

В стране пока еще большей частью мизерные зарплаты⁶, в силу чего примерно половина нашего населения по уровню материальной обеспеченности испытывает существенные затруднения и никак не может претендовать на «звание» представителя среднего класса⁷, каждый третий ребенок у нас рождается вне брака, еще примерно столько же детей оказываются вследствие распада семей без одного или обоих родителей⁸, сам по себе «материнский капитал» еще *может* побудить женщину к рождению ребенка, но совсем не гарантирует того, что само по себе его появление на свет (без должной последующей материальной поддержки) не обратится горем и страданиями – как для самого ребенка (и будущего взрослого гражданина страны), так и для общества, по разным подвалам, чердакам, траншеям теплотрасс и т.д. обитает примерно четыре с половиной миллиона взрослых людей без определенного места жительства (данные МВД)⁹, потребительская корзина не позволяет многим людям даже нормально питаться¹⁰, не говоря уже о чем-то другом. Все эти и другие социальные проблемы нуждаются в скорейшем решении.

⁶ См.: Бондаренко О., Павловская Т. Работай за тарелку супа // Российская газета. – 2011. – 10 июня. – С. 10.

⁷ См.: Деягин М. Человек-2011 // Российская газета. – 2011. – 7 июня. – С. 26.

⁸ См.: Владыкина Т. Мамапапа. Каждый третий ребенок в России воспитывается одинокой женщиной // Российская газета. – 2011. – 10 июня. – С. 1, 6.

⁹ См.: Фалалеев М. Бомжам приготовили зачистку // Российская газета. – 2011. – 3 июня. – С. 1, 6.

¹⁰ См.: Потребительская корзина в проигрыше. Пленные немцы питались лучше нынешних пенсионеров (*Newsru.com*) // Нижегородский рабочий. – 2011. – 7 июня. – С. 6.

Нужен межведомственный научно-исследовательский институт уголовной политики, который взял бы на себя всю полноту забот по подведению научного фундамента под дело противодействия преступлениям и преступности. В этом учреждении должны быть сосредоточены лучшие творческие силы страны.

Важно, однако, не перебрать с насыщением социальных, культурных и иных мер широкого социального плана мерами сугубо антикриминального свойства (с их именно *уголовно-политической* заостренностью), с «перепрофилированием» их на задачи именно противодействия преступлениям и преступности. Например, проводимые время от времени рок-концерты в различных регионах страны под девизом «Рок против наркотиков» только усугубляют проблему, поскольку шокирующей публику фразеологией протестных песен, броскими манерами их исполнения и громоподобной музыкой исполнители вызывают к себе крайне нездоровый интерес, в том числе наркоманов, и тем самым вольно или невольно способствуют распространению в стране наркотизма, включая его криминальный элемент.

В местах проведения подобных мероприятий их участники нередко оставляют после себя много разного хлама, в том числе весьма непотребного, позорящего эти мероприятия. Не говоря уже о том, что в ходе их случаются иногда и конфликты, переходящие в ссоры, потасовки, хулиганские выходки, другие, мягко говоря, эксцессы. Бывает и так, что даже полиция оказывается иной раз в растерянности от такого рода акций.

Прицельный антикриминальный настрой, разумеется, должен быть у любой сферы деятельности, но было бы просто лукавым и даже смешным, если бы это как-то афишировалось, а тем более если осуществлялось в знак протеста против того негатива, который, собственно, и является в значительной мере сущностью соответствующих сторон той или иной деятельности. Например, крайне дерзкими и циничными, вызывающими и парадоксальным, надругательскими и, по меньшей мере, странными выглядели бы демонстрирующиеся в ходе какой-либо подобной акции лозунги, скажем, типа таких: «Ночные клубы против «Хромых лошадей», «Гостиницы против проституции и разврата», «Бизнес против теневых

форм деятельности, а также монополизма, рейдерства, неучтенной рабочей силы, уклонения от уплаты налогов, нарушений законодательства об охране труда, обмана потребителей, приставания к сотрудницам, корпоративных загулов...» и т.д.

Таким образом, уголовное право должно быть и у нас в России (а не только в развитых странах) именно уголовным правом, то есть без каких-либо претензий на исключительность своей роли в обеспечении правопорядка, без какой-либо гиперболизации своих возможностей в деле противодействия преступлениям и преступности, и, тем более, без неоправданно повышенной активности в функционировании. И тем более, что сами эти возможности, вытекающие из того набора наказаний, которыми уголовное право располагает и реально оперирует, сравнительно невелики. Максимум что оно может сделать – это ограничить виновного в правах, с тем, чтобы он извлек из случившегося определенный урок и чтобы хотя бы в течение какого-то времени был как бы «меченым». Тогда общество, по крайней мере, знало бы, чего и кого ему следует опасаться. Сказывается, конечно же, и момент сдерживающего воздействия на остальную неустойчивую в морально-нравственном отношении массу населения. Но все же основные заботы по адаптации виновного к социуму ложатся обычно на сам социум.

И, конечно же, уголовное право должно быть именно *правом*, а не, скажем, инструментом с «клавиатурой» для недобросовестных политиков, чиновников, журналистов, разных толстосумов, а иногда и для криминалитета, изрядно, кстати, набравшего в последние два десятилетия вес, в том числе связанный с занятием определенных позиций в политике, в государственных и муниципальных сферах деятельности, в том же бизнесе, финансовых кругах и т.д. Так или иначе, но все еще довольно много у нас уголовного права, так сказать, «инструментального», то есть марионеточного, легко управляемого извне и совсем мало его настоящего, а именно *правового*. Развернуть сложившееся здесь соотношение на диаметрально противоположное – насущная задача. И это вполне по силам осуществить государству, обществу, гражданам. Если, конечно, рассматривать уголовное право в качестве не какого-то «намордника» для преступности, «погонялы» или, напротив, «огородного пугала», а определенного фактора управления общественными процессами – в направлении преодоления

преступлений и преступности, а, следовательно, и для укрепления правопорядка, сбережения, приращения, обновления и рационального использования тех ценностей, ради чего оно, собственно, и изобретено человечеством и поставлено ему на службу.